

ВИКТОР
ЛАНОВЕНКО

ТАБЛЕТКА ДЛЯ ЧЕМПИОНА

Виктор Лановенко

Таблетка для чемпиона

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Лановенко В.

Таблетка для чемпиона / В. Лановенко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Неизвестная болезнь превращает гламурных медиаперсон в уродов. Начинается паника. Три человека – журналист, полицейский и вагонный вор – втянуты в события, связанные с эпидемией. Обстоятельства сводят всех троих в небольшом городке. Здесь, в биохимической лаборатории, ведутся работы, которые должны обеспечить генетическое превосходство правящей элиты. Здесь же изготавливаются допинги для будущих чемпионов. Журналист, полицейский и вагонный вор преследуют личные цели, но забираются так глубоко, что им открывается источник и причина эпидемии. Это знание чертовски опасно. Выбор такой: умереть сразу или биться до последнего с превосходящими силами зла. Они выбирают борьбу.

© Лановенко В.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виктор Лановенко

Таблетка для чемпиона

Глава 1

Такси мягко скользило по улицам ночной столицы. Эдик Поспелов, репортер еженедельника «Голубая луна», дремал на заднем сидении. Когда машина остановилась, водитель обернулся, тронул пассажира за локоть:

– Молодой человек, приехали.

Эдик потянулся, сладко зевнул и посетовал:

– Проклятая работа.

Выбравшись из машины, он попытался стряхнуть навалившуюся дрему – покрутил головой, похлопал ладонями по щекам.

На пепельном небе занимался рассвет, и теперь казалось, что огни фонарей снизили свой накал. Электронные часы в витрине супермаркета показывали 05:26.

Эдик набрал код замка и поднялся на второй этаж. С большой осторожностью открыл дверь квартиры. Снял туфли и, не включая свет, прошел в свою комнату.

Хорошо бы принять душ. Но веки слипались, в голове раскручивался водоворот событий минувшего дня и уходящей ночи. Последние силы ушли на то, чтобы стащить джинсы и расстегнуть рубашку. Эдик нырнул в белую свежесть простыней и, предвкушая долгожданный отдых, успел подумать: «Залягу в спячку. Как медведь».

Он еще продолжал ворочаться, выбирая удобную позу, когда зазвучала песенка ковбоя из фильма «Одинокый рейнджер».

– Черт! Черт! – выругался Эдик. Он забыл отключиться. Теперь придется отвечать. Эдик дотянулся до стула и вытащил из-под вороха одежды свой мобильник.

– Кремль на проводе, – сказал он по привычке.

– Господин Поспелов? – голос в трубке оказался незнакомым. Это был размеренный солидный баритон, какой бывает у людей, знающих себе цену.

– Какого черта? – раздраженно произнес Эдик.

– Простите, что разбудил, Эдуард Дмитриевич, – продолжал баритон, несколько не смутившись. – Я хочу сделать вам предложение.

Эдик посмотрел на часы и захрипел от возмущения:

– Половина шестого утра! Какое, на фик, предложение?

– Предложение, от которого вы не сможете отказаться.

– Чепуха какая-то. Кто вы такой?

– Это не имеет значения, – спокойно ответил баритон. – Можете называть меня «человек, который заказывает музыку».

«Вот так нас снимают, – подумал Эдик, – как девочек возле «Интуриста». А что поделаешь? Журналистика профессия дамская».

– Что вы хотите? – сказал он вслух.

– Одну небольшую статью, которую опубликуют в вашей газете «Голубая луна».

– Ничего не получится, – ответил Эдик. – У меня много работы. Я просто завален работой, – он уже собирался прервать разговор, но в последний момент услышал слова незнакомца.

– Две тысячи баксов.

Человек так устроен – он всегда хочет получать больше, даже, если того не стоит. Поспелов не был исключением из правил.

– Я не ослышался, вы сказали две тысячи? – осторожно переспросил Эдик.

– Три.

Хорошо, что мама не видела в этот момент его физиономию. Она бы точно сказала: «Сыночек, у тебя выраженный астигматизм. Нужно срочно заняться глазками». За одно мгновение в голове у Эдика пролетела целая вереница мыслей. «Может быть, меня разводят, как лоха, на бесплатную раздачу слонов?» – подумал он. Но следом уже закрадывался страх. И Эдику казалось, что страх рождается от одного только голоса в трубке. Бесстрастного и самоуверенного.

– Почему бы вам ни обратиться к главному редактору? – уклончиво спросил он.

– Четыре тысячи, – произнес голос в трубке.

Лицо у Эдика внезапно вспотело. Он гулко проглотил слюну. В голове творился ужасный кавардак. Какие-то мысли рождались и лопались, как пузыри в луже. Жутко хотелось заполучить четыре штуки зеленых. На носу свадьба. А такой халявы может не подвернуться. Но страх продолжал расти. И нервная дама, интуиция, нашептывала: откажись, откажись. У Эдика на вооружении имелся один верный способ, как избавиться от слишком настойчивого клиента. Нужно заломить несусветный гонорар.

– Семь тысяч зеленых, – сказал Эдик и поразился собственной невыразительной интонации, как будто речь шла о копеечном деле.

– Согласен, – тут же ответил баритон. – Записывайте фамилии.

Эдик вздохнул. Что тут скажешь? Это судьба. Он постарался загнать страх в глубину своего сердца и думать только о семи тысячах долларов. Стыдно продаваться за тридцать серебрянников. Но он-то продается достойно, за хорошие «бабки» для журналиста своего уровня. Он нашел блокнот и ручку и сказал:

– Я готов, шеф.

– Пишите. Вероника Искандерова. Алексей Зубрицкий.

– Пойдите, пойдите, это что – те самые Вероника и Алексей? – спросил Эдик, отодвигая блокнот.

– Те самые, – согласился баритон. – Вероника – самая раскрученная певица. Ее без конца крутят на всех Fm-радиостанциях. Алексей – ведущий двух телепроектов, эрудит, красавчик, покоритель дамских сердец.

– Вы с ума сошли, – Эдик едва удержался, чтобы не закричать. – О них невозможно писать.

– Это еще почему?

– Потому что о них все сказано. Их нижнее белье давно рассмотрено под микроскопом и развешено на страницах журналов и газет. Даже мне приходилось сочинять гадости про этих ребят. Про их скандалы, измены, про сокрытие доходов и так далее, и тому подобное. Здесь нет белых пятен, – Эдик сделал секундную паузу и продолжил. – Тонкий слой правды покрыт толстым слоем дерьма. Вам этого мало?

Некоторое время голос в трубке молчал, словно давал Эдику возможность высказаться, а потом вежливо осведомился:

– У вас всё? А теперь слушайте. Сплетни про этих персон меня совершенно не интересуют. Мне важно знать, что с ними произошло в последние две недели.

– А что с ними произошло в последние две недели? – спросил Эдик с недоумением.

– Поясняю. Из достоверных источников мне известно, что упомянутые лица в настоящее время серьезно больны.

– Больны? В каком смысле? – спросил Пospelов.

– В медицинском.

– О-о! Это мы тоже проходили. То у них СПИД, то сифилис, то лихорадка Эбола. Чем только не награждали на своих страницах. Потом, правда, приходилось извиняться. Поверьте мне, эти люди абсолютно здоровы. И, знаете, почему?

– Ну, говорите.

– Потому что физическое здоровье – необходимое условие их успеха. Это публичные люди. Их лица не сходят с экранов телевизоров.

– Вы сейчас хорошо сказали, – согласился голос в трубке. – Не забудьте упомянуть об этом в своей статье. А сейчас повторяю – эти люди больны. И больны серьезно.

– Чем?

– Это предстоит выяснить вам, – ответил голос. – Не копайте слишком глубоко. Вы же не профессор медицины. Ваша задача – обратить внимание общественности на сам факт заболевания. Можете поразмышлять о капризах судьбы, об эфемерности успеха. Немного легкой, необременительной философии. Приложите фотографии наших героев. Покажите читателям, какими они были вчера и во что превратились сегодня.

– Вас понял, шеф. Считайте, что техническое задание принял, – сказал Эдик. – Но мне понадобятся деньги. Наши герои не рядовые граждане, подобраться к ним сложно. Придется подкупать прислугу. Как-то с охраной договариваться. Нужен приличный фотограф.

– Хорошо, – согласился баритон. – Аванс получите сегодня, в шесть вечера. Записывайте адрес. Курский вокзал. Камера хранения номер 4, – он продиктовал номер ячейки и код. – И последнее, но главное, – продолжал баритон. Теперь он звучал торжественно и строго, как будто собирался огласить приговор. – Как только статья будет опубликована, вы немедленно забываете про мой звонок. И делаете вид, что самостоятельно вышли на эту тему.

– Когда вам нужна статья? – спросил Эдик.

– Можете не торопиться, Эдуард Дмитриевич. Будет вполне приемлемо, если она появится в очередном номере вашего еженедельника. То есть, в следующую пятницу.

Из трубки полетели короткие гудки.

– Вот козел! – возмутился Эдик. – Оставляет мне на все про все четыре дня. Надо торопиться, старик, иначе ты разминешься с толстой пачкой американских денег.

Не успел Эдик допить утренний кофе, как на пороге кухни возникла его мама. Элеонора Алексеевна была взволнована и бледна. Атласный халат с пурпурными розами запахнут небрежно, что могло быть вызвано только исключительными обстоятельствами.

– Вы сегодня прекрасно выглядите, Элеонора Алексеевна, – соврал Эдик, отставляя чашечку с кофе. Нужно поскорее исчезнуть из дома, чтобы избежать ненужных разборок.

– Звонил папа из Лондона, – с трагизмом в голосе произнесла Элеонора Алексеевна. Это означало, что разговор предстоит долгий и неприятный.

– Когда?

– Вчера. Около полуночи, – она приложила платок к глазам. – Почему ты вернулся так поздно? Я вся на нервах.

– Мама, – сказал Эдик, поднимаясь из-за стола, – хочу тебе напомнить, что мне полных двадцать шесть лет. И работа у меня особенная. Она требует личного присутствия на всех посиделках столичной элиты. Мы уже сто раз говорили об этом.

– Папа недоволен твоей профессией.

– Что?! – взорвался Эдик. – А он чем занимается?

– Сынок, не придирайся к словам, – сказала Элеонора Алексеевна. – Папа осуждает не твою профессию. Что поделаешь, вы оба журналисты и тут ничего не исправишь, но папа недоволен тем обстоятельством, что ты обслуживаешь, так называемую, желтую прессу.

Эдик принялся укладывать в портфель диктофон, дискеты, блокнот, несколько листов чистой бумаги.

– Передай папе, – сказал он, продолжая сборы, – что, так называемая, желтая пресса кормит семью из двух человек. Семью, которую он бросил ради молодой рыжей сучки.

– Это низко, так отзываться о родителях, – слезы уже вовсю текли по щекам Элеоноры Алексеевны.

– Прости, мама, – сказал Эдик. Он обнял Элеонору Алексеевну и принялся гладить ее по волосам, пока узкие плечики не перестали вздрагивать. – Я люблю вас. Тебя и папу. Я иногда злюсь на него. За то, что он бросил такую великолепную женщину, как ты. Он еще будет локти кусать. Вот увидишь.

– Ты опять уходишь и оставляешь меня одну? В воскресенье? Ты, наверное, уходишь к Леночке.

– Нет, мама, я иду работать. За большие деньги, – ему было легко это говорить, потому что он не врал, как обычно, когда действительно уходил к Леночке.

На улице хозяйничала весна. Вдоль проспекта еще дул прохладный ветер, но яркое солнце припекало не на шутку. Пацаны, сбросив куртки, раскручивали скрипящую карусель, их красные мордахи полыхали здоровьем.

Эдик шел по улице, мимо знакомых витрин и выносных лотков с заморскими фруктами. Время от времени в его ушах звучал самоуверенный баритон «человека, который заказывает музыку». И тогда под ложечкой начинало неприятно сосать. Хорошо бы разобраться, отчего это происходит. Но сейчас недосуг копать в себе. Надо срочно искать способы, которые позволят добраться до нужных ему персон. Дорога к ним непроста. Траншеи, редуты, колючая проволока, вышки с прожекторами, а на последней линии обороны – симпатичные мордовороты с револьвером подмышкой. «Как бы там ни было, – подумал Эдик, – я уже в деле. Отступать поздно».

Глава 2

Теплый ливень обрушился на столицу. Валерий Лампус стоял под навесом, прижавшись спиной к витрине булочной. За пеленою дождя противоположная сторона проспекта была почти не видна. Но вот из серого марева выплыло маршрутное такси. Валерий сделал глубокий вдох и рванул к остановке. Кроме него в маршрутке оказалось двое пассажиров, парень и девушка. При появлении Лампуса они перестали обниматься и уставились на него.

– Чего, не видели живого слона? – спросил он и плюхнулся в кресло возле двери.

Когда автобус тронулся, в кабине стало жарко. Валерий закрыл глаза. И тотчас перед его мысленным взором, за плотно закрытыми веками, поплыли кадры сегодняшнего дня.

На прием к чиновнику департамента спорта Лампус записался неделю назад. В разделе «тема обращения» написал – спортивная стипендия. А сегодня в два часа пополудни он уже сидел в приемной, хотя встреча была назначена на 14:30. На коленях у него лежала пластиковая папка со всеми бумагами. Тут были графики подготовки к спортивному сезону, результаты медицинского обследования, подтверждающие его великолепные физические кондиции, рекомендация-ходатайство, подписанная спортивными боссами области и личное письмо тренера Михалыча. Когда-то Михалыч и чиновник, к которому шел на прием Валерий, выступали за сборную Москвы.

– Валентин Григорьевич готов вас принять, – сказала секретарша и, когда Валерий проходил мимо ее стола, шепнула. – Будьте смелее, молодой человек.

Кабинет был обставлен шикарно. Полированные шкафы украшены золотыми кантами. Перед шкафами от пола до потолка поднимались две стойки. А сверху, между стойками, произрастал целый сад диковинных цветов. Какие-то лианы вились над карнизом и спускались по обе стороны окна, расцветая нежными лепестками, напоминающими подснежники.

За столом сидел человек-гора. Черный пиджак, белая рубашка, бордовый галстук.

– Здравствуйте, Валентин Григорьевич, – сказал Валерий и прислушался к собственному голосу. Не хватало еще, чтобы в нем звучали просительные ноты.

– Что привело к нам?

– Вот, – Лампус положил на стол свое заявление и пластиковую папку.

Пока Валентин Григорьевич знакомился с бумагами, Валерий исподволь рассматривал кабинет. Его внимание привлекла пепельница, исполненная в виде сидящей красавицы. Руки женщины были сложены в восточном приветствии, а голые ноги обхватывали большой серебряный таз. Сейчас пепельница была пуста. Видимо, Валентин Григорьевич не курил, а пепельницу держал исключительно для гостей.

– Хочешь получить государственную стипендию? – промолви, наконец, Валентин Григорьевич, поднимая голову от бумаг. – Желание твое понятно. Тренироваться, участвовать в коммерческих стартах? И все за счет государства. У меня таких вундеркиндов, знаешь, сколько было? Будущих надежд российского спорта. Да, не скрою, кое-кто получил стипендию. А где они сейчас, эти надежды?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю, – Валентин Григорьевич откинулся на спинку кресла. – Все хотят пожировать на казенный счет. А государство не бездонная бочка. Что по этому поводу сказал президент?

– Что?

– Необходимо поднимать детский и юношеский спорт. Вот куда деньги нужно вкладывать. В здоровье нации.

– Я не против здоровья нации, – сказал Валерий. – Но, ведь, нужно кому-то защищать и честь страны.

– А вот это уже не твое дело, – строго произнес Валентин Григорьевич и брови сошлись на его переносице. – Позволь нам решать, кто достоин защищать, а кто – нет.

– Я выиграл молодежное первенство страны.

– У меня таких чемпионов, как у Жучки блох. А начинаешь искать, кого послать на Европу – пусто. Тот болеет, этот не в форме, а третий вообще выступает за Новую Зеландию. Так что будь здоров. Тренируйся.

Руки плохо слушались Валерия. Но он все-таки вытащил из внутреннего кармана длинный незапечатанный конверт. Пальцы ощутили купюры, сложенные внутри. Теперь оставалось вручить конверт и произнести нужный текст. Валерий вспомнил слова Михалыча, своего тренера. «Когда будешь давать взятку, смотри Валентину Григорьевичу прямо в глаза. Не тушуйся. И помни, что взятка для него такое же обыденное дело, как для тебя ежедневная пробежка по стадиону». Валентин Григорьевич сидел за столом, положив одну ладонь на другую, и внимательно изучал свои отполированные ногти. Мощные плечи растягивали дорожную ткань его пиджака, а темные волосы, тщательно зализанные назад, подчеркивали большое мясистое лицо со следами оспы. Валерий протянул конверт и держал его в вытянутой руке, не зная куда положить. Может, на стол, рядом с его ладонями? Или лучше в кресло?

– Ты мослами-то осторожней махай, – неожиданно произнес Валентин Григорьевич. – Здесь не сектор для метаний.

Неожиданно в его руках обнаружилась папка. Такая глянцевая папочка для бумаг. Это было похоже на чудо. Только что на столе ничего не было, кроме документов Валерия, и вдруг – хоп! Вот она, глянцевая папочка. Она уже распахнута и делает движение навстречу конверту. Раз – и конверт лег в папку. Два – папка захлопнулась. Валентин Григорьевич с достоинством поднялся, шагнул к шкафам. Небрежно поместил папку рядом с другими документами.

– Мечтаешь попасть на олимпийские игры? – с насмешкой в голосе спросил Валентин Григорьевич.

– И не только попасть, а показать результат, чтобы запомнили.

– Может, и медаль надеешься заработать?

– Да. Бронзовую медаль.

– А чего так? Если уж мечтаешь, так ни в чем себе отказывать.

– Бронзовую, – повторил Лампус. – Есть в мире два десятиборца, которых я не смогу победить. Пока. Для этого мне понадобятся четыре года подготовки.

– Во как! Значит, золото тоже у нас в кармане. Только немножко задерживается. А почему ты не в армии? – вдруг спросил Валентин Григорьевич. – Возраст подходящий, в марте исполнилось двадцать лет.

– У меня освобождение, – сказал Валерий. – Мама без мужа, мать-одиночка. И нас трое детей. Я – старший. Сестре – шестнадцать, брату – одиннадцать. К тому же Виталька инвалид с детства.

– М-да, большая у тебя семья. Небось, денюжки вот так нужны?

– Поэтому я здесь, – сказал Лампус. – Хочу зарабатывать тем, что я умею делать лучше всего. А вместо этого приходится каждый день ходить на фабрику. Хотя, вы сами знаете, большой спорт забирает все время и все силы.

– Так-то оно так, – Валентин Григорьевич опустил в кресло, забарабанил пальцем по столу. Толстый перстень отразил солнечный свет, зайчики запрыгали по стене. – А ты, знаешь, сынок, я, пожалуй, смогу тебе помочь. Будешь бегать, прыгать, метать свои копья. И за это тебе будут платить. Хорошо платить. Ты сможешь помочь своей семье.

Валерий был готов упасть перед чиновником на колени. Вся злость схлынула, а сердце наполнилось благодарностью. Валентин Григорьевич тем временем продолжал:

– Но тебе придется переехать в другой город. Это замечательный город, поверь мне. Солнце, море, кипарисы. Ты станешь тренироваться у самых опытных педагогов, за твоими

физическими кондициями будут наблюдать профессора. Поселишься в отдельном номере. Вот такая работа. Нравится?

– Еще бы! – восхитился Валерий. – При нормальной подготовке я попаду в сборную раньше, чем мы планировали с Михалычем. А на Олимпиаде наберу в десятиборье 8300 очков или даже 8500. А это – точно «бронза». Вы посмотрите мои графики.

– Погоди ты с графиками. Тут есть один маленький нюанс, – Валентин Григорьевич поднялся из кресла и навис над столом, как туча. – Тебе придется на какое-то время отказаться от любительского спорта. И, вообще, от участия в соревнованиях. Ты будешь тренироваться, ставить рекорды, но это будет профессиональная работа в медицинском центре. Ничего страшного, пропустишь эти олимпийские, зато на следующие выйдешь фаворитом.

– Как это пропущу? – удивился Валерий. – Зачем?

– Потому что на время действия контракта ты становишься сотрудником научного медицинского центра. Минимальный срок контракта – два года. Меньше никак нельзя. Важно проследить динамику, как будут меняться твои результаты под влиянием новейших методов тренировки.

– Я ничего не понимаю, – признался Валерий. – Что мешает мне принимать участие в соревнованиях?

– Условия контракта. Понимаешь, Лампус, современный большой спорт давно вышел за рамки любительского. Сейчас спорт – это и политика, и бизнес. Огромные деньги крутятся. Ты даже не представляешь. А твоя работа в Центре поможет другим спортсменам, которые сейчас впереди. Через два года ты выскочишь из-за их спин и, чем черт не шутит, станешь олимпийским чемпионом.

Его предложение Лампусу не понравилось. Но Валентин Григорьевич вцепился, как клещ. Тысячи доводов привел. Расписал, как Валерию будет хорошо в этом Центре. Как расцветет его семья, как будут родственники благодарить его за материальную помощь. Но Валерий стоял на своем. Наконец, терпение чиновника лопнуло.

– Наотрез отказываешься? – спросил он.

– Наотрез.

– Все, прием окончен.

– А как же мой вопрос? Со стипендией.

– Свободен, – сказал Валентин Григорьевич. Он подошел к двери и демонстративно распахнул ее.

Несколько секунд Валерий стоял с совершенно пустой головой. Потом приблизился к Валентину Григорьевичу, положил свою руку поверх его руки и стал закрывать дверь. Тот сопротивлялся. Когда-то чиновник был чемпионом столицы. Вольная борьба, полутяжелый вес. Это было давно, но сила в руках осталась. Однако Лампус оказался сильнее. Он закрыл дверь.

– Деньги верни, – спокойно сказал Валерий.

– О чем это ты, сынок? – на лбу Валентина Григорьевича выступили капельки пота.

– Взятку верни, – повторил Лампус.

– Мы на государственной службе, мы взятку не берем, – улыбнулся чиновник, но Валерий почувствовал, даже не опуская взгляда, что его ноги стали перемещаться. Валентин Григорьевич принимал боевую стойку.

– Ладно, – Валерий развернулся, подошел к шкафу и распахнул дверцы.

– Лидия Алексеевна! – крикнул Валентин Григорьевич за спиной Лампуса. – Позовите людей! Быстро!

Папки были похожи одна на другую, как ядра в секторе для толкания. Валерий вытащил одну, пролистал ее. Денег не было. Он швырнул папку на пол и взял с полки другую. И в этот момент на него набросился Валентин Григорьевич. Он произвел захват сзади и попытался ото-

рвать Валерия от пола, чтобы затем произвести бросок через бедро. Не тут-то было. Валерий успел схватиться за металлические стойки. Грудью прижал пальцы чиновника к острому торцу полки. Что-то захрустело. Валентин Григорьевич вскрикнул и постарался вытащить собственные руки. Валерий развернулся и ударил кулаком в крупное лицо со следами оспы. Валентин Григорьевич полетел под стол, опрокидывая кресло по ходу движения.

Дальнейшие события перемешались в голове Валерия Лампуса. Последнее, что запомнилось – это какие-то люди, мужчины. Они забежали в кабинет, и все были одеты в одинаковую форму, как игроки одной команды – черный пиджак, белая рубашка, бардовый галстук.

А потом – сразу полиция. Валерий сидел на стуле в неудобной позе, потому что руки за спиной были стянуты наручниками. Через стол от него белобрысый лейтенант по фамилии Чекалин писал протокол задержания.

Неизвестно, как бы сложилась судьба Лампуса, если бы в комнату предварительного дознания по какому-то делу не вошел майор Разин? Валерий в это время сидел с опущенной головой, ничего не слышал, никого не видел. Потом почувствовал, как запекло в самом темечке. Валерий поднял голову и вздрогнул. Его буравили глаза майора. Даже не глаза, а два вороненых сверла с победитовыми наконечниками.

– Кто такой? – спросил майор.

– Спортсмен, товарищ майор, – быстро отрапортовал лейтенант. – И фамилия у него странная. Лампус у него фамилия.

– Откуда?

Лейтенант заглянул в протокол:

– Из города Елец, Липецкой области.

– Задержан за что? – майор смотрел в лицо Валерия, не отрываясь и не моргая.

– Так это, – лейтенант даже удивился, что кто-то не знает причину его задержания, – он же чиновников отметелил. Пришел в департамент спорта и давай их там колбасить. Половина конторы с разбитыми мордами. А другая половина с телесными повреждениями разной степени тяжести. Они должны заявление принести. Коллективное. Жду с минуты на минуту.

– Боксер что ли?

– Не знаю, – смутившись, ответил лейтенант. – Лампус, ты боксер?

– Нет, – сказал Валерий. – Десятиборец.

– Десятиборец он, – быстро повторил лейтенант специально для майора, как будто ответ Лампуса прозвучал на языке давно исчезнувшей цивилизации.

– Ты смотри, – удивился майор, – я тоже когда-то баловался. Какой разряд?

– Мастер спорта, – сказал Лампус.

– Ого! Это тебе не шутка. Я на первый тянул-тянул, не вытянул. Так и остался со вторым. Как у нас говорили, второразрядным спортсменом, – при этих словах глаза майора стали меняться. Два вороненых сверла превратились в маленькие жирные маслинки.

Валерий присмотрелся к нему повнимательней. Фигура крепкая, ладная. Даже под форменной тужуркой был заметен объем грудной клетки. Но рост маленький. 175 см – не больше. Для современного десятиборья, когда надо прыгать на два десяти и метать диск в район 55 метров, его физические данные никуда не годились.

– Послушай, мастер спорта, – продолжал майор, – а зачем ты устроил бойню в департаменте? Это тебе не притон в портовом городишке. Приличное заведение, почти министерство. Чем тебе не угодили наши чиновники?

– Взятки берут, – сказал Валерий.

– О, господи! – изумился майор. – Да кто же их не берет? У вас, в Ельце, лучше что ли? Да если каждому взяточнику бить морду, государство, как организм, вымрет. Наступит анархия и развал. Кстати, кто тебе сказал, что берут?

– Я сам дал, – насутился Валерий.

– Ну, батенька, это вообще... Ты хоть знаешь, что тебя прямо сейчас можно привлекать по статье 291, пункт 1. Дача взятки должностному лицу. Между прочим, запросто схлопочешь лишение свободы на срок до 3-х лет... Сколько дал-то?

– Десять тысяч.

– Зеленых?

– Рублей.

– Рублей?! – удивился майор. – Ну, это не взятка. Так, подачка за мелкую услугу. Чекалин, – обратился он к лейтенанту, – дай-ка мне твоего спортсмена, я с ним побеседую в кабинете вашего начальника.

– Под вашу ответственность, товарищ майор, – предупредил лейтенант. – А, когда чиновники придут, что им сказать?

– Сразу меня зови, – сказал майор. – Я сам буду с ними разговаривать.

– Ладушки, – сказал лейтенант, и лицо у него сделалось радостное, как будто он крупно выиграл в русское лото.

Майор и Лампус поднялись на второй этаж.

– Никогда не встречал десятиборцев с неуравновешенной психикой, – сказал Разин. – Видно, произошло нечто из ряда вон выходящее. Ну-ка, давай, колись.

Лампус все рассказал майору. Разин сидел, обхватив голову руками, как будто пришел в смещение от всего услышанного. Потом сказал:

– М-да, Лампус. Ты сильный, молодой, красивый. Забрался на такую вершину в спорте, откуда рукой подать до бессмертия. А я тебе не завидую. Потому что впереди тебя ждет болото и смрад.

– Что же мне делать? – спросил Валерий. – Как теперь мамка одна будет?

– А чего ж ты не вспомнил про мамку, про сеструху с братишкой, когда морды бил?

– Потому что дурак, – сказал Валерий.

– Вот это правильно, – согласился майор Разин. – А теперь давай подумаем, как действовать дальше. Итак, судя по всему, в департаменте спорта произошло землетрясение силой 9 баллов по шкале Рихтера. Имеются человеческие жертвы.

– Неужели все так плохо? – спросил Лампус.

– Неважно. Одних стульев и канцелярских принадлежностей наломал на 30 тысяч рублей.

– Не может быть!

– Может. Карандаши нынче дорогие, – майор вынул из стола лист бумаги и принялся рисовать рожицы. – Ты на себя в зеркало смотрел? Хорош... Значит, ты говоришь, Валентин Григорьевич предлагал тебе работу. Так?

– Так.

– Как ты думаешь, Лампус, если ты согласишься заключить контракт на два года с этим центром, Валентин Григорьевич сможет тебя простить? Простить настолько, чтобы забрать свое заявление назад.

– Не знаю, – сказал Валерий.

– Другого выхода у тебя нет. Либо болото и смрад. Либо кипарисы. Выбирай.

– А взятка? Если я расскажу про взятку?

– Статья 291, пункт 1, лишение свободы на срок до 3-х лет. Это с одной стороны. А с другой – про взятку забудь. Ты ни в одном суде не докажешь, что Валентин Григорьевич взял у тебя деньги. А больше тебе крыть нечем. Ты, Лампус, остался без козырей.

В это время зазвонил внутренний телефон.

– Чиновники явились, – сказал майор, возвращая трубку на аппарат. – У тебя есть три секунды. Что ты выбираешь? Да, есть еще одна возможность, я как-то упустил ее. Ты можешь

нанять дорогих адвокатов, очень дорогих, дороже тех, которых наймут чиновники, и пойти на суд. Но это будет не суд, а соревнование, кто больше заплатит. Как ты на это смотришь?

– Что вы! Мы всем миром собирали деньги на взятку. За три месяца собрали десять тысяч рублей. Все решено, я заключаю контракт с Центром.

– Это правильный ход, – сказал майор. – Он может сработать и может не сработать. Но все остальные сразу ведут к поражению. Пойдем, Лампус, нам предстоит трудный разговор.

Когда Валерий открыл глаза, то увидел перед собой лобовое стекло маршрутного такси, забитое мутными каплями воды. «Дворники» работали с полной нагрузкой. В просветах была видна улица Вернадского. Она летела навстречу в пелене вертикального дождя. Машины уже включили габаритные огни и ближний свет.

– У гастронома выходят? – спросил водитель. Все промолчали. Водитель добавил громкость в приемнике и в сумерках, сквозь непогоду, поплыл чистый голос. Девушка пела на английском языке. Валерий попытался перевести, и получилось смешно: приди ко мне, мой маленький поросенок, и мы будем играть на флейте до самого утра.

Пожалуй, с английским у него не все в порядке. Надо подтянуться. И теперь у Валерия будет время. Целых два года.

Глава 3

Полицейский «Мерс» летел по проспекту Мира, нарушая правила. Майор Разин то и дело поглядывал на часы.

– Опоздаем, Серега, – сказал он водителю. – Гони на всю катушку!

– Никак нет, Сан Саныч, не опоздаем. Мы рванем через Вокзальный переулок. Там в понедельник пробок не бывает.

– Сержант Куликов! Я кому сказал – гони! – рявкнул майор.

– Ладно. Щас нажмем, – весело отозвался водитель, сдвинул фуражку на затылок и прибавил газу.

Майор Разин не любил понедельники. За два выходных законоНепослушные граждане успевали наворочать столько черных дел, что каждый понедельник превращался для Разина в каторгу.

Но все бы ничего, если бы не черная полоса, которая рано или поздно ложится поперек судьбы. Сейчас у Разина как раз шел период черной полосы. Его непосредственное начальство, руководитель Управления, генерал Тарханов, и заместитель по кадрам, полковник Скворцов, протаскивали на должность майора своего человека. Трижды Разину предлагали варианты перехода. Он отказывался. Новые должности его не устраивали. По этому поводу кое у кого в Управлении сложилось мнение – коль скоро Разин позволяет себе роскошь говорить начальству «нет», значит, у него имеется крепкая «волосатая рука».

– Приехали, тащ майор, – Сережа Куликов стоял, переминаясь с ноги на ногу, и удерживал перед ним открытую дверь.

– Ты извини, Серега. Я наорал с утра, – сказал Разин, выбираясь из «Мерса».

– Да чего там, я даже не заметил. Сан Саныч, разрешите спросить?

– Ну?

– Это правда, что вас увольняют из органов? Или вы по собственному желанию?

– Бабские сплетни, – отрезал майор.

– Жалко, – вздохнул сержант Куликов. – Меня пацаны на фирме уже достали, спрашивают: нет ли хорошего офицера на выходе? Так я вас сосватал. Там, знаете, какой оклад?

– Мне рановато на пенсию. Пусть пацаны другого поищут.

Каждое утро Разин включал компьютер и просматривал страничку «происшествия». Происшествия «А», Происшествия «В» и Происшествия «С». В группу «А» входили убийства, террористические акты, нападения, грабежи и тому подобное. «В» – экономические преступления, мошенничества, подлоги, ДТП и пр. «С» – другие незначительные происшествия, не влекущие за собой уголовной ответственности.

До начала планерки майору необходимо было знать: кто, кого, где, когда, при каких обстоятельствах? Из этих фактов складывалась картина криминальной обстановки. Она напоминала дерево, корни которого тянулись во вчерашний день, а ствол пребывал в сегодняшнем. Кроме того, Разин был обязан дорисовывать молодые побеги, которые появятся только в завтрашнем дне. Прогноз – его работа.

Майор обследовал всю информацию по разделам «А» и «В». Ничего особенного. По делам, которые стояли в разработке, существенного продвижения не намечалось. Имело место одно довольно громкое убийство. Но оно не выпадало из контекста текущего времени. Был эффективный банковский подлог. Шалили хакеры. Происходили разборки в нетрезвом виде. Однако профессиональное чутье майора осталось не потревоженным.

До начала совещания оставалось минут двадцать, когда Разин начал просматривать раздел «С». Обычно на этой страничке собирался «хлам». Источник «С» не считался надежным, порой его сообщения носили вторичный характер. На памяти майора лишь однажды «хлам»

был использован для раскрытия преступления. Примерно год назад сотрудник отдела Лень Варшавец выудил сообщение в «Dailey Mirrors» об аукционе, на котором продавался эскиз Врубеля к картине Демон. Этот эскиз давно и безуспешно искали.

Разин распечатал три листа и принялся делать пометки на полях, когда в кабинет вошел Лень Варшавец.

– Привет, Ленчик, – сказал майор. – Что новенького за последний час?

– Да так, мелочевка.

Его доклад успокоил Разина. Ребята из его отдела закончили свою часть работы. И фактов, которые давали бы повод изменить прогноз, обнаружено не было.

– Как там Полина Семеновна? – спросил майор, вспоминая, как нервничал Лень в пятницу, как торопился в больницу к любимой теще.

– Сделали операцию, а сегодня перед работой я забежал в больницу. Она уже садится в кровати. Пятница счастливый день.

– Точно, – сказал майор, – счастливый.

Он вспомнил, как в минувшую пятницу, ему позвонил Валентин Григорьевич, старый знакомый. Время от времени Разин помогал чиновнику вербовать спортсменов для работы в медицинском центре, расположенном на юге страны. Там, в этом центре, разрабатывались новые спортивные методики, которые позволяли нашим спортсменам добиваться высоких результатов. За выполнение этой рекрутской работы Разин получал неплохую прибавку к своему служебному окладу. Валентин Григорьевич рассказал ему про инцидент, который приключился с Валерием Лампусом, и попросил майора уломать парня, чтобы тот дал согласие на заключение контракта. И Разин с успехом провел эту операцию. Да, действительно пятница счастливый день.

– Сан Саныч, – напомнил о себе Варшавец, – если надумаете уходить из конторы, заберите меня с собой.

– Что вы, как сговорились. Не намерен я менять место работы, – сказал майор и посмотрел на часы. – Пожалуй, успеем выпить по чашечке кофе. Включи чайник.

– Са-Сан Саныч, – когда Варшавец нервничал, он начинал заикаться, – чайник я включу, а вы посмотрите газетку. Статья Па-Поспелова, называется «Встречайте! Эпидемия, пострашнее СПИДа». Может, конечно, брехня. Не мешало бы па-проверить.

Газета называлась «Голубая луна» и относилась к тому сорту еженедельников, которые выходят сумасшедшим тиражом и пользуются неизменным спросом у массового читателя за счет перемывания костей у отечественного и мирового бомонда.

Разин принялся читать статью Эдуарда Пospelова. И с каждой строчкой его сердце колотилось сильнее и сильнее. Что за черт! Проснулось его профессиональное чутье и повело носом из стороны в сторону. Журналист сообщал, что ему удалось приблизиться, не встретится, а именно приблизиться, к популярной певице Веронике Искандеровой и телеведущему Алексею Зубрицкому. То, что он увидел, сразило его наповал. Красавица Вероника и секс-символ Алексей превратились в уродов. Здесь же, для пушей убедительности, приводились их фотографии, по две штуки на каждого. На одной было видно, как они выглядели раньше, на второй, какими стали теперь. Разин даже поежился, до того неприятное впечатление на него произвели изменения, случившиеся с мужчиной и женщиной. На левой фотографии девушка была похожа на топ-модель. Стройна, нежна, улыбалась с таким светлым очарованием, что невозможно было оторвать взгляд от ее свежих губ. А справа – злобная старуха с перекошенными щеками и обвислой кожей. Вид у нее был затравленный, а круглые в морщинах глаза устремлены куда-то в сторону. Можно предположить, что второй снимок делался без согласия оригинала. С Алексеем Зубрицким дела обстояли не лучше. Правда, его уродство на второй фотографии скрывала недавно отпущенная борода. Зато он был изображен в полный рост. И было видно, что фигуру мужчины искривило и повело, словно камчатскую березу.

Майор знал, что эта статья может оказаться фальсификацией. Или глупой шуткой. Чего только не придумают эти газетчики, лишь бы пощекотать нервишки обывателю. Но дело в том, что несколько минут назад, когда Разин перелистывал раздел Происшествия «С», перед его глазами промелькнуло нечто похожее. Он пропустил это сообщение, как очередной курьез. Но, если его поставить в один ряд со статьей Пospelова, то, что тогда получается? Правильно, закономерность получается.

Разин бросился к компьютеру, поставил раздел «С» и начал быстро его листать.

– Есть! – воскликнул он и даже подпрыгнул на стуле. – Ленчик, смотри сюда.

Сообщение гласило, что сегодня в Санкт-Петербурге, в 6 часов 30 минут в госпиталь Министерства обороны был доставлен известный артист театра и кино Вадим Кутасов. Вторую неделю зрители первого канала с волнением следят за похождениями его героя в телесериале «Госпожа удача». В настоящее время врачи проводят комплексное обследование Вадима Кутасова и уклоняются от встреч с журналистами. Предположительный диагноз – гормональные осложнения, вызванные приемом лекарственных препаратов. Возможно, именно это привело к деформации мышечных тканей шейного и лицевого отделов, а так же к некоторому изменению формы конечностей. Стремительное течение болезни, когда негативные изменения внешности происходит за считанные дни, ставит врачей в тупик. Подобного случая в их практике еще не было.

– Время, – сказал Леня Варшавец.

Разин подхватился и бросился к двери.

– После планерки – сразу ко мне! – крикнул он Варшавцу.

Совещание проходило как обычно. Генерал принялся жевать любимую тему – исполнительскую дисциплину. И, пока он говорил, Разин восстановил в памяти, как выглядит артист Вадим Кутасов. Майор видел его в нескольких фильмах. Что-то про спецназ, про сыщиков. Такой мощный блондин, симпатяга, он всегда выходил победителем, сражаясь один против целого взвода нехороших парней. Владел приемчиками восточных единоборств, ловко сигал с одной крыши на другую. Еще он стрелял не глядя. И попадал врагам точно в лоб, между левым и правым глазом.

Жена майора, Ирина, смотрит сериал «Госпожа удача» с каким-то хищным интересом.

– Сашка, как ты не понимаешь, это новое слово в нашем кино, – говорила Ирина, не отрываясь от экрана TV. – Это прорыв в другой мир, совершенно незнакомый. Мы входим туда с опаской и любопытством. А Кутасов просто гений.

Ирине, конечно, виднее. Она читала курс современной терапии во втором Медицинском Институте. Круг общения у нее был совершенно другой, чем у Разина. Майор посмотрел одну серию «Госпожи удачи» и как-то не заметил прорыва. Да, Кутасов был хорош. Он снова сражался, только теперь его врагами были не наши родные бандюганы, а кровожадные мертвецы. Они поднимались из могил и были похожи на черных пиявок. Они возвращались в дома, где жили когда-то в качестве дедушек, матерей или братьев, возвращались и высасывали энергию жизни у своих родственников. Вот такое кино.

А Ирина... Что ей надо? Дамочка просто бесится в последнее время. Разин предполагал, что она завела любовника. Майор смирил гордыню и проверил жену, установив за ней слежку. Оказалось – нет. Любовник отсутствует. Значит, причина скрывалась внутри ее. Но как проникнуть туда, в эту непознаваемую женскую душу? А, проникнув, что он там увидит? Бездонный космос или разбитое корыто?

Сегодня утром Разин и Ирина сидели на кухне, и пили чай. Молча. Потом она сказала:

– Сашка, это невыносимо – так жить. Мы как будто ждем поезда и случайно встретились на вокзале. Как чужие. Я больше не могу так.

– Почему?

– Если бы я знала.

– А кто знает?

– Может быть, ты. Ты умный. Знаешь и специально не говоришь. Мучаешь меня.

И они снова поссорились. Обычно это мероприятие у них откладывалось на вечер. А тут – утром. И, как всегда, ничего не прояснили. Она ушла на работу в слезах. А Разин остался сидеть на диване. Когда он догадался посмотреть на часы, то схватился за голову, до начала работы оставалось менее получаса. Пришлось разыскивать Сережу Куликова, водителя «Мерса».

Видимо, Разин, предавшись воспоминаниям, далеко отплыл, голос генерала едва доносился:

– Майор Разин, опуститесь на землю.

Разин тряхнул головой и вновь оказался в генеральском кабинете. По обе стороны длинного стола сидели его коллеги. А в торце, рядом с начальником Управления, стоял, переминаясь с ноги на ногу, заместитель начальника по кадрам, полковник Скворцов.

– Слушайте все внимательно, – сказал генерал. Затем кивнул Скворцову. – Начинайте, полковник.

– Все вы хорошо знаете, что наше руководство постоянно совершенствует структуру управления, – Скворцов сделал паузу, посмотрел на генерала васильковыми глазами, поморгал и продолжил. – В связи с этим принято решение. Первое, ввести новую должность, заместителя начальника управления по базовым разработкам. На эту вакансию в Управление приходит новый человек, очень грамотный специалист. Второе, сократить должность начальника аналитического отдела, – при этом Скворцов поднял голову и уставился на Разина. – К нашему глубокому сожалению, мы вынуждены расстаться с одним из самых опытных наших сотрудников, майором Разиным. В минувшую пятницу подписан приказ о его увольнении. Я надеюсь, что коллеги найдут время и средства, чтобы достойно проводить нашего уважаемого Сан Саныча.

Разин плохо помнил, как вернулся в свой кабинет. Впрочем, его ли теперь? Посидел, повертел в руках шариковую ручку. Появился Леня Варшавец:

– Сан Саныч, ну, что, займемся уродами?

– Да ну их в болото.

Подчиненный вышел, а, спустя секунду осторожно просунул в дверь нечесаную голову:

– Товарищ майор, у вас все в порядке?

– Ты даже не представляешь, до чего в порядке!

Затем Разин включил охранную сигнализацию, запер дверь кабинета на ключ и спустился в холл. Сережа Куликов сидел на кожаном диване под пластмассовой турецкой пальмой и вел задушевную беседу с капитаном полиции Валечкой Скрябиной.

– Извините, Валечка, – вклинился майор в их разговор, – хочу похитить вашего ухажера.

– Прощай, Куличек, – пропела капитан Скрябина, – возвращайся в родное болото.

– Серега, – сказал Разин, – ты можешь отвезти меня домой?

– Легко, – ответил сержант.

Спустя тридцать минут, майор поднимался к себе на этаж. Он открыл дверь и включил свет в прихожей. В ноги к нему, таявая и захлебываясь от радости, бросилась Сонька, их преданная и ревнивая сторожиха, породы карликовый пинчер.

– Привет, Сонька, я сегодня пораньше, – Разин поднял голову и увидел записку, приклеенную скотчем к зеркалу.

«Сашка, – писала Ирина крупными компьютерными буквами, – я больше так не могу. Решила уехать на время. Хочу обдумать, что нам делать дальше. Не ищи меня. Вернусь через пару недель. Позаботься о Соньке. Со своей стороны прими решение, как нам достойно выйти из этой ситуации. Скорее всего, жить вместе мы больше не сможем. Ирина».

– Сонька, – спросил Разин собаку, – а у карликовых пинчеров бывают черные полосы?

Не снимая обувь, он прошел в комнату, вынул из шкафа справочник по судебно-медицинской экспертизе и достал, спрятанную за ним, бутылку коньяка. Отвинтил пробку и сделал глоток.

– Ну, вот, Сонька, я первый раз в жизни выпил в рабочее время. Как это просто, ты даже не представляешь.

Он прошел в спальню и открыл шифоньер. Одежда Ирины оказалась на месте. Не хватало, возможно, двух-трех платьев. Не было китайской шляпы с раскрашенными перьями, которую Разин подарил жене прошлым летом перед их поездкой на море.

Разин лег на кровать, в ботинках и в форме. Сонька тотчас запрыгнула к нему и примостилась под боком. Бутылку майор поставил на пол, в изголовье кровати.

Вряд ли у Разина было что-то заветное, столь же дорогое, как его работа и его жена. Он закрыл глаза и постарался понять, какие соломинки держат его на плаву, не дают уйти в глубину небытия. Родителей он не помнил, потому что вырос в детском доме. Детей у них с Ириной не было. Не могла она рожать. Дача у него отсутствовала. А машина, старая «шестерка», ржавела второй год во дворе, возле палисадника.

– Может быть, ты моя соломинка? – спросил Разин у собаки и погладил ее по бархатной шерстке. И Сонька в ответ благодарно задрожала маленьким тельцем.

Глава 4

Чиновник департамента спорта Валентин Григорьевич Радченко миновал вращающуюся дверь банка «Капитал плюс» и вышел на улицу. Вечернее солнце укрылось за высотным зданием на другой стороне проспекта. В зеркальных витражах мелькали прохожие и машины. Валентин Григорьевич, заметив собственное отражение, остановился, расправил плечи и надел темные очки. Мимо проносились люди, толкали его, а он словно не замечал. Стоял, разглядывал в стекле себя любимого и счастливо улыбался.

В «Капитал плюс» у Радченко был открыт счет, на который перечислял деньги некто господин Брызгалов. И сегодня этот счет достиг заветной семизначной цифры. Кроме постоянного оклада Валентин Григорьевич получал еще и гонорары за отдельные поручения. Миллионный рубеж был взят благодаря четкой организации последнего дела. Завтра поездом в Новороссийск, а потом далее, в Турцию, проследует некий саквояж с препаратом. Казалось бы, что сложного – переправить багаж весом меньше пяти килограмм? Да ничего. Если бы не одно обстоятельство. Содержимое саквояжа считалось бесценным. Это с одной стороны. А с другой – совершенно секретным. Для того чтобы такой груз провезти две тысячи километров, минуя две таможни и пограничные кордоны, предстояло крепко поработать. И он это сделал. Все подготовил, организовал и был абсолютно уверен в успехе операции. Теперь можно и расслабиться. Можно даже махнуть в старушку Европу, оттянуться на приличном буржуазном курорте. И все это стало возможным благодаря счастливому случаю. случаю, который пару лет назад свел Валентина Григорьевича с фармацевтическим магнатом Ильей Николаевичем Брызгаловым.

Когда-то, будучи детьми, они жили в одном приморском городке, на самом юге страны. И, спустя много лет, Брызгалов разыскал Валентина Григорьевича и пригласил в свою московскую резиденцию.

Во время той первой встречи Брызгалов сразу заговорил о деле.

– Скажи, Валя, только честно, ты знаешь, что такое генная инженерия? – спросил он.

– Что-то связанное с клонированием?

– Не совсем так. Клонирование воспроизводит точную копию оригинала. А генная инженерия изменяет то, что создала природа, – пояснил магнат. – Вот, например, меня можно изменить.

– Зачем же вас менять? – удивился Валентин Григорьевич. – Вы и так вон какой.

– Какой?

– Ну, такой... Элитный.

– Какой, к черту, элитный? Я плебей. Разве ты не помнишь моих родителей?

– Илья Николаевич, ну как можно такое говорить. У вас в руках вся фармакология страны, можно сказать, целая империя. С вами министры раскланиваются.

– Ну, не без того, – с наигранным равнодушием согласился Брызгалов. – Приходится кое-кого прикармливать. А что делать? Стоит один раз пожадничать, и тут же кислород прекроют. Нет, Валя, стяжатель обязан быть щедрым. Все время он должен вкладывать деньги в работу. Это как картошка. Если не посадишь ведро, не соберешь мешок. А что касается империи, сам знаешь, время было собачье. А у меня хватка, как у бультерьера. Хоть и родился дворянкой.

Затем он подошел к книжным полкам и выбрал брошюру.

– Вот, послушай, что пишут умные люди, – Брызгалов перевернул несколько страниц и принялся читать. – Генетическая конструкция человека станет предметом рыночных стихий. Одним из последствий, судя по дороговизне технологии, будет то, что богатые получают дополнительные преимущества для своих детей. Это приведет к генетическому улучшению правящей элиты.

– Ничего себе! – удивился Валентин Григорьевич.

– Слушай дальше. Говорит биолог из Принстонского университета, некий Ли Сильвер. В самое ближайшее время элита сможет стать отдельным видом, в котором сложатся достоинства великих людей и не будет недостатков. – Илья Николаевич вернулся в кресло, взял с низкого столика кофейную чашку, сделал глоток. Покривился, поставил чашку на место.

«А, ведь, точно, плебей, – подумал Валентин Григорьевич и отвел взгляд. – Привык, наверное, в детстве глотать спитой чай... Плебей-то, плебей, но может купить Земной шар».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.